

СМѢСЬ.

ЗУАВЪ (*).

(Переводъ съ французскаго.)

Quorum pars parva fui.

Виргилій.

Въ Африкѣ, въ Крыму и въ Италіи, зуавы стяжали такую громкую извѣстность своею храбростію, что многія правительства, въ томъ числѣ и Американскіе Штаты, пробовали примѣнить организацію ихъ къ нѣкоторымъ изъ своихъ полковъ.

Опыты эти не могли быть вполнѣ успѣшны, по той простой причинѣ, что зуавъ есть исключительно произведеніе французской почвы.

Сверхъ того, весьма трудно подражать тому, чего мы не знаемъ основательно, а надо замѣтить, что хотя и много было писано собственно объ алжирскихъ войскахъ, но о нихъ имѣютъ по большей части далеко неполное понятіе, не только за границею, но даже и во Франціи.

Спросите Кроата, участвовавшаго въ сраженіи при Палестро

(*) Изъ «Journal de Saint-Petersbourg».

или при Маджентѣ, что такое зуавъ, онъ вамъ скажетъ: «зуавы—это алжирскіе солдаты, черные, издающіе страшные крики, любящіе рѣзню; словомъ, это настоящіе тигры!»

Если же, напротивъ, вы съ тѣмъ же вопросомъ обратитесь къ тиролюскому стрѣлку, раненому и взятому въ плѣнъ при Сольферино, онъ вамъ отвѣтитъ:

«— Зуавы перевязали мои раны, накормили меня, ухаживали за мной, утѣшали меня. Это сущіе агнцы.»

Генералъ старой школы скажетъ:

«— Зуавы! храбрые полки, но безъ всякой дисциплины, безъ выправки, плохо знающіе уставъ, почти не умѣющіе ходить въ ногу. Ихъ невозможно употреблять въ правильной войнѣ.»

Тридцатилѣтній полковникъ скажетъ:

«Что это за солдаты!... Они не боятся ни огня, ни воды, ни холода, ни зноя, ни пуль, ни ядеръ; кажется, что они никогда не спятъ, не ѣдятъ и не пьютъ, но съ тяжело нагруженнымъ ранцемъ бѣгаютъ какъ дикія козы! Если передъ вами появится неприятельская бригада, пустите на нее баталіонъ зуавовъ—и черезъ десять минутъ бригады какъ не бывало. Вы скажете, что ее смелъ ураганъ....»

Мирный гражданинъ того мнѣнія, что зуавы, пожалуй, и хорошо дерутся, но они пьянствуютъ по кабакамъ, шумятъ въ трактирахъ, да и слишкомъ уже залихватски надѣваютъ свои красныя шапки.

Какойнибудь рабочій скажетъ: «зуавъ—добрый малый, открытая душа».

Прійдетъ ли зуавъ на родину, въ отпускъ, молодая дѣвушка, при первой встрѣчѣ, какъ будто бы пугается его, а потомъ, смотришь, дня черезъ три, она уже и отправляется подъ руку съ нимъ на какоенибудь гулянье. Наконецъ, когда зуавъ уѣзжаетъ, она плачетъ, а частенько и отправится вслѣдъ за нимъ куданибудь въ Оранъ или въ Константину.

Спросите десятки солдатъ, и вы получите столько же различныхъ отвѣтовъ: «зуавъ — не лучше всякаго другаго»: или, «о зуавъ! это бойкая птица», и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Одно мнѣніе будетъ противорѣчить другому.

Что жъ за причина всѣхъ этихъ противорѣчій? А причина простая: зуавъ — это истинный Протей, мѣняющійся постоянно, смотря по времени и по мѣстности.

На улицахъ Алжира онъ кокетливъ, щеголь, доводитъ даже

до крайности то, что называютъ военнымъ шикомъ. Штилеты его въ обтяжку и безъ складокъ охватываютъ его ногу; чалма граціозно обвиваетъ его голову съ надбритымъ лбомъ; его голубой поясъ шегольски охватываетъ талию, точно корсетъ на молодой дѣвушкѣ; походка и манеры его полны самоувѣренности и довольства.

Взгляните на того же зуава въ лагерѣ: на немъ нѣтъ и слѣдовъ военнаго блеска: холщевые, дырявые панталоны, громадная, почти невозможныхъ размѣровъ шляпа, порванная блуза, затасканное пальто или плащъ, скроенный изъ лоскутьевъ какого-то бурнуса, на ногахъ огромные башмаки въ родѣ галошъ, наконецъ борода, не тронутая бритвой нѣсколько мѣсяцевъ, въ зубахъ трубочка съ короткимъ чубучкомъ, вѣсто алжирской сигары — таковъ зуавъ у себя дома, въ лагерѣ.

Quantum mutatus ab illo!

Но, каковъ бы ни былъ костюмъ зуава, послушайте, когда зуавъ ораторствуетъ въ трактирѣ: васъ поразятъ запасъ его знаній, правильность языка, вычурность фразъ. Въ его рѣчахъ вы видите ученость, пожалуй встрѣтите даже цитаты изъ классиковъ.

Но загляните къ нему въ лагерь, и вы услышите языкъ, рядомъ съ которымъ блѣднѣютъ всѣ сильныя выраженія самыхъ крикливыхъ торговковъ.

Однакожъ, какъ бы ни измѣнялась внѣшность зуава, но сущность его всегда остается неизмѣнною: это бронзовая статуя, которую можно драпировать на тысячу манеръ, при чемъ нисколько не измѣнятся формы самаго металла.

Въ Алжирѣ, въ Крыму, въ Италіи, въ Мексикѣ, личность зуава постоянно остается неизмѣнною: впалыя щеки, насмѣшливый ротъ, глаза, блестящіе смѣлостію и смѣшленостію; что особенно поражаетъ въ лицѣ зуава, это морщины на лбу, обыкновенно складывающіяся при видѣ опасности.

Можно сказать, что всѣ зуавы имѣютъ между собою какое-то семейное сходство. Подобно тому, какъ говорятъ, что есть лица греческія и римскія, можно бы сказать, что есть и типъ лица зуавскаго.

Но что же это за сила, передѣлывающая подъ одинъ типъ и Бретонцевъ, и Фламандцевъ, и Парижанъ, и Альзасцевъ, и Бордосцевъ, поступающихъ въ алжирскія войска? Сила эта — духъ этого войска—*l'esprit de corps*.

Во всё времена духъ общества имѣлъ необыкновенное вліяніе на направленіе мыслей и характеры его членовъ; но никогда еще вліяніе это не проявлялось такъ сильно, какъ между зуавами, — развѣ только между іезуитами.

Самый климатъ Алжіріи придаетъ зуавамъ какой-то особый отпечатокъ: всякій Европейецъ, прибывающій въ Алжиръ, вскорѣ измѣняется подъ дѣйствіемъ тамошняго палящаго солнца.

Употребленіе кофе (не менѣе двухъ литръ въ день) довершаетъ дѣйствіе климата. Этотъ напитокъ, поддерживая постоянную дѣятельность ума, возбуждаетъ воображеніе, которое такъ развито у зуавовъ; кромѣ того, кофе укрѣпляетъ тѣло, какъ заправка укрѣпляетъ желѣзо.

Итакъ, вотъ три причины, способствующія образованію истинныхъ зуавовъ: духъ общества (*l'esprit de corps*), климатъ и кофе.

Но надо замѣтить, что и люди, подвергаемые дѣйствію этихъ причинъ, не выбираются наудачу. Полки зуавовъ комплекуются не рекрутами: каждый зуавъ вступаетъ въ этотъ родъ пѣхоты добровольно, по собственному призванію. Это весьма важно.

Между различными элементами, входящими въ составъ алжирскихъ войскъ, на первомъ планѣ стоятъ волонтеры.

Въ волонтеры поступаютъ или пылкія и рано развившіяся натуры, въ семнадцать лѣтъ мечтающія о славѣ, или люди, утомленные жизнью, предпочитающіе смерть на полѣ битвы самоубійству. Въ Африкѣ характеръ быстро укрѣпляется въ военныхъ тревогахъ. Часто въ волонтеры поступаютъ умные и образованные молодые люди, которые болѣе считают себя на мѣстѣ среди бранной тревоги, чѣмъ за книгою или въ душныхъ канцеляріяхъ; вообще же волонтеры почти всегда люди, оставляющіе то общество, изъ котораго выходятъ безъ сожалѣнія, а слѣдовательно способные и готовые на всякаго рода приключенія.

Такова главная часть годового контингента.

Другая часть пополняется изъ разныхъ полковъ людьми, которымъ надоѣло однообразіе гарнизонной службы, постоянные караулы, дежурства, ученія и смотры.

При каждомъ третнемъ инспектіонномъ войскѣ всегда находятся желающіе служить въ Африкѣ, для того, чтобы тамъ

разогнать силмиъ, и, дѣйствительно, въ Алжирѣ они вскорѣ переходятъ удовлетвореніе своей лихорадочной дѣятельности.

Наконецъ, въ войскахъ постоянно встрѣчаются сильные характеры, задыхающіеся среди строгихъ предписаній дисциплины и ведущіе неустанную борьбу противъ заведенныхъ порядковъ и противъ своихъ начальниковъ. За нарушение дисциплины они предаются суду и приговариваются къ тѣмъ тяжкимъ наказаніямъ, которыя опредѣлены военными законами. Перенеся наказаніе, побывавъ, такъ сказать, въ аду, они переходятъ на нѣкоторое время въ чистилище, въ дисциплинарные баталіоны, и затѣмъ уже зачисляются въ зуавы.

Здѣсь дисциплина крайне строга въ серьезныхъ вещахъ, но за то чрезвычайно снисходительна въ мелочахъ. Малѣйшая небрежность въ виду непріятеля наказывается съ драконовскою строгостію, но за то неявка къ переключкѣ или что нибудь подобное проходитъ почти незамѣченнымъ.

Таковы различные элементы, составляющіе зуавскіе полки. Очевидно, что недостаточно дать чалмы какому нибудь баталіону, чтобы сдѣлать изъ него истинныхъ зуавовъ. Можно сдѣлать изъ людей этого баталіона храбрыхъ, хорошо обученныхъ и смѣшленныхъ солдатъ, но все же они далеко не будутъ зуавами.

Одно изъ главнѣйшихъ качествъ алжирскаго солдата состоитъ въ томъ, что онъ со всею возможною энергіею защищаетъ и поддерживаетъ преданія той части, къ которой принадлежитъ. Для этого онъ способенъ на все: будетъ безъ усталости совершать самые трудные переходы, будетъ голодать, терпѣть жажду, выносить самые страшныя лишенія съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, будетъ готовъ на все для достиженія побѣды.

Но за то онъ терпѣть не можетъ всякой несправедливости, всякаго злоупотребленія власти; офицеры зуавовъ, почти всѣ выслужившіеся въ ихъ же средѣ, вполне раздѣляютъ идеи своихъ подчиненныхъ, сочувствуютъ имъ, вслѣдствіе чего въ этихъ полкахъ всегда образуется свое сильное общественное мнѣніе, которое почти всегда одерживаетъ верхъ надъ всякою неправдой.

У зуавовъ скорѣе всего полковые командиры могутъ быть названы *отцами своихъ солдатъ*.

Напримѣръ, храбрый генералъ Клеръ, убитый подъ Мад-

женною, вполне пристрастился ко 2-му полку зуавовъ; онъ какъ-то сроднился съ нимъ и съ горячностію постоянно защищалъ его противъ малѣйшихъ несправедливостей, на которыя жаловались его люди. Надо было видѣть, какъ воевалъ онъ противъ подрядчиковъ, когда предметы, поставляемые имъ для полка, оказывались дурнаго качества; какъ настоятельно заступался онъ за своихъ зуавовъ, когда видѣлъ, что на ихъ долю мало назначалось крестовъ и наградъ. Однимъ словомъ, онъ былъ въ постоянной борьбѣ съ высшимъ начальствомъ изъ-за своихъ зуавовъ.

Какъ-то однажды, одинъ генералъ, вполне утѣвшій цѣнить африканскія войска, въ припадкѣ дурнаго расположенія духа, отозвался не совсѣмъ хорошо о зуавахъ. Полковникъ Клеръ вспылелъ, сломалъ свою саблю и поклялся, что онъ подастъ въ отставку, если генералъ не откажется отъ своего отзыва. И генералъ отказался.

Зуавъ чрезвычайно насмѣшливъ. Зачастую онъ даетъ своимъ начальникамъ разныя прозвища, начиная съ знаменитаго маршала Бюжо, котораго онъ прозвалъ «*père la Casquette*» (ба-тюшка-шапка.)

Однажды адъютантъ доложилъ своему генералу, что зуавы прозвали его «*Gueule de loup*» (волчья пасть). Генералъ явился съ жалобою къ полковнику Клеру. Послѣдній разсмѣялся.

— Утѣшьтеся, сказалъ онъ: — изъ-за меня они пойдутъ въ огонь и въ воду, а, между тѣмъ, называютъ меня *старой обезьяной*» (*Vieux Singe.*)

Генералъ расхохотался и утѣшился.

— Видите ли, прибавилъ полковникъ: — это у нихъ ласкательныя имена.»

Не всѣ генералы любятъ одинаково зуавовъ, не всѣ умѣютъ ихъ употреблять въ дѣло какъ слѣдуетъ, да и не всѣ пользуются равнымъ съ ихъ стороны довѣріемъ.

Чтобы съ успѣхомъ вести ихъ въ огонь, нужно немало искусства, нужно имѣть вѣрный взглядъ и быстрое соображеніе. «Зуавы — говорилъ маршалъ Боске — это пѣшая кавалерія; а не всякій можетъ быть кавалерійскимъ генераломъ: для этого нужно имѣть особенныя способности.»

Въ одной экспедиціи, баталіону зуавовъ пришлось быть подъ начальствомъ отличнаго, но незнакомаго съ тактикою этого войска, офицера.

Нужно было овладѣть возвышенностію, занятою кабилами, и, вмѣсто того, чтобы пустить зуавовъ въ-разсыпную, предоставивши имъ дѣйствовать по усмотрѣнію, онъ повелъ ихъ въ сожнутой колоннѣ.

«Вы насъ погубите», сказали зуавы, но, тѣмъ не менѣе, без-прекословно пошли впередъ.

И, дѣйствительно, предсказаніе ихъ сбылось.

Встрѣчаются генералы, какъ бы созданные для командованія зуавами, какъ былъ Муратъ для легкой кавалеріи и Друо для артиллеріи. Есть, напротивъ, такіе, которые рѣшительно не годятся для зуавовъ.

Къ числу послѣднихъ особенно слѣдуетъ отнести тѣхъ, которые среди трудностей военнаго времени все-таки не могутъ забыть разныхъ требованій мирнаго времени; тѣхъ, которые изнуряютъ солдата смотрами, перекличками, ученьями; тѣхъ наконецъ, которыхъ маршалъ Бюжо отсымалъ во Францію съ отпѣткою: «не способенъ къ африканской войнѣ».

Вообще надо замѣтить, что между офицерами, служащими въ Алжирѣ, есть поговорка: «уставъ не переплывалъ моря» (*le règlement n'a jamais passé la mer*).

Дѣйствительно, въ Алжирѣ невозможно строгое примѣненіе устава къ дѣлу, да и вообще одно изъ главныхъ условій успѣха, не только въ алжирской войнѣ, но и во всѣхъ новѣйшихъ сраженіяхъ, заключается въ предоставленіи солдату возможно болѣе полной свободы дѣйствій въ бою. Прошло уже то время, когда солдатъ считали за неодушевленную машину. Впрочемъ, нѣкоторые и до сихъ поръ еще не могутъ вполне убѣдиться въ этомъ.

Такъ, однажды, былъ назначенъ въ Африку генералъ, которому сильно не по душѣ приходились обычаи и привычки зуавовъ. Честный въ душѣ, но проникнутый весь уставами, онъ подробно и обстоятельно зналъ всѣ приказы и положенія, относящіяся до формъ одежды и гарнизонной службы. Отъ его пытливаго взгляда ничто не могло ускользнуть: онъ зналъ въ точности, сколько должна вѣсѣть каждая связка сѣна, могъ бы, кажется, сосчитать число пороховыхъ зеренъ въ патронѣ. Въ его глазахъ смотрѣ имѣлъ отнюдь не менѣе значенія, какъ и генеральное сраженіе. За малѣйшую несправность у него готово было опредѣленное взысканіе: двухъ-недѣльный арестъ офице-

ру за длинные волосы, мѣсячный арестъ солдату за утрату иголки, которую уставомъ опредѣлено имѣть въ чемоданѣ.

Генералъ этотъ былъ посланъ въ Алжиръ инспектировать войска. Начать ему пришлось съ баталіона зуавовъ, эшелонированнаго поротно для работъ по вновь прокладываемой внутри страны дорогѣ. Первая рота была расположена особымъ лагеремъ, подъ начальствомъ капитана, извѣстнаго у солдатъ подъ названіемъ Самума.

Названіе это вполне было заслуженное: капитанъ дѣйствительно былъ подобенъ самуму, этому бурному вѣтру Сахары, по своей стремительности и всеокрушающей быстротѣ; блистательная храбрость его была извѣстна.

Въ управленіи же вѣренной ему ротой онъ пользовался славой величайшаго добряка, отца солдатъ. Правда, онъ собственноручно убилъ бы того, кто дрогнулъ бы въ огнѣ, передъ непріателемъ, но за то терпѣть не могъ никакихъ придирокъ и мелкихъ требованій. Характеръ его лучше всего выразился въ поговоркѣ, которую онъ безпрестанно употреблялъ въ разговорахъ: почти за каждымъ словомъ онъ повторялъ: «Vlan! c'est un détail» (ну вотъ! это мелочи!)

— Капитанъ, докладываютъ ему:—Арабы сосѣднаго племени взбунтовались; тысячный отрядъ ихъ идетъ на нашъ лагерь.

— Ну вотъ! это мелочи! отвѣчалъ капитанъ Самумъ: — пусть люди возьмутъ ружья, и мы поучимъ вѣжливости черномазыхъ.

У него всего было сто человекъ подъ командою, а у Арабовъ тысяча; но онъ считалъ себя въ равныхъ силахъ съ ними.

— Капитанъ, докладываетъ ему кауценармусъ: — солдаты безъ башмаковъ: транспортъ съ обувью отхваченъ Арабами.

— Ну вотъ! это мелочи! Мои *ласкари* (солдаты) послѣдуютъ примѣру своего *кебира* (начальника): они пойдутъ босикомъ.

И, если было нужно, капитанъ снималъ съ себя сапоги, чтобы водать примѣръ подчиненнымъ.

Таковъ былъ капитанъ Самумъ, къ лагерю котораго направлялся выше очерченный нами генералъ-инспекторъ.

Этотъ инспекторъ не зналъ странностей капитана, но слышалъ о его военныхъ отличіяхъ и заочно вполне уважалъ его.

Въ дорогѣ, сопровождаемый своими адъютантами, гусарскимъ конвоемъ и арабскимъ проводникомъ, онъ разсыпался въ похва-лахъ зуавамъ и ихъ начальнику.

— Господа, говорилъ онъ:—вы увидите образцовыхъ солдатъ: еще недавно, они, съ своимъ храбрымъ капитаномъ, цѣлыхъ четыре мѣли отступали, будучи окружены семью или восемьюстами бедуиновъ; потеряли они что-то около десятка людей, а уничтожили съ сотню арабовъ. Можете представить себѣ, какъ должны были они маневрировать! О! господа, знаніе устава, стройное движеніе—это великое дѣло! Кто хорошо маневрируетъ, тотъ можетъ покорить вселенную. Отсюда вижу этихъ храбрыхъ зуавовъ! что за равеніе, что за чистота!...

Фантазируя такимъ образомъ, они подъѣхали къ чему-то похожему на деревеньку, состоящую изъ простыхъ шалашей. Мѣстами попадались нѣкъмъ не занятые палатки; къ нимъ-то и велъ проводникъ генерала.

Въ серединѣ этой деревеньки только и видны были животныя всѣхъ возможныхъ родовъ: собаки разныхъ породъ, приученные шакалы, ручныя газели, бараны, двухлѣтній львенокъ, свиньи, куры, кошки, вороны. Съ приближеніемъ генерала и его свиты, весь этотъ звѣринецъ пришелъ въ страшное волненіе: поднялся лай, визгъ, вой — кутерьма страшная — лошади перепугались, взвились надыбы; два всадника сбиты съ сѣдла; генералъ сердится и бранится; свита вторитъ ему.

Но вотъ наконецъ изъ шалашей вышло съ десятокъ людей, одѣтыхъ самымъ страннымъ образомъ.

Одни были въ зеленыхъ и синихъ блузахъ, съ бѣлыми заплатками, другіе въ какихъ-то полотняныхъ мѣшкахъ безъ рукавовъ; нѣкоторые были голы до пояса и держали въ рукахъ кто чумичку, кто ножъ, кто топоръ. Что же касается до головныхъ уборовъ, то здѣсь были и бѣлые шерстяные колпаки, и красные фесы, и соломенные круглополюя шляпы, украшенныя пѣтушиными перьями или заячьими хвостиками, смотря по вкусу владѣльцевъ шляпъ.

Поставленный въ совершенное недоумѣніе, генералъ обратился, однако, къ этимъ людямъ, чтобы именно отъ нихъ узнать, гдѣ онъ находится.

— Въ лагерь зуавовъ, генералъ, отвѣтили ему.

— Здѣсь какая-то деревня, но я не вижу лагеря, сказалъ онъ.

— Эти шалаши называются *гурби* (*gourbis*). Въ нихъ-то мы и помѣщаемся.

— Слѣдовательно, вы-то именно и зуавы?

— Да, генераль!

Съ генераломъ чуть не сдѣлался обморокъ.

— Да вотъ и кебиръ, прибавилъ зуавъ, съ которымъ говорилъ генераль, и быстро удалился.

Прочіе люди давно уже разошлись.

Дѣйствительно, самъ капитанъ Самумъ шелъ встрѣчать своего начальника. На немъ были тиковые шаровары, бѣлое пальто съ капюшономъ, а во рту трубка изъ верескового корня. Генераль просто не вѣрилъ своимъ собственнымъ глазамъ. Ему казалось, что все это онъ видитъ во снѣ, что предъ нимъ возсталъ какой-то демонъ антидисциплины и мучить его.

— Вы командиръ этой роты? гнѣвно спросилъ онъ.

— Да, генераль!

— Хорошо! Я прибылъ сюда для инспектированія вашей части. Гдѣ ваши люди?

— На работѣ.

— А эти, которыхъ я сейчасъ видѣлъ?

— Это капральные повара.

— Прикажете, капитанъ, собрать всѣхъ вашихъ людей: я сдѣлаю имъ смотръ—слышите ли—и немедленно донесу обо всемъ начальству.

Видно было, что генераль сильно разсерженъ, но старался умѣрять свои выраженія.

Капитанъ же оставался совершенно покойнымъ и позвалъ горниста, который въ ту же секунду явился съ валькомъ въ одной рукѣ и съ мокрой рубашкой въ другой.

— Труби отступленіе, бѣглымъ шагомъ, сказалъ капитанъ.

Горнистъ опрометью пустился бѣжать.

— Что дѣлаетъ горнистъ съ валькомъ? спросилъ генераль.

— Онъ занимается стиркою бѣлья для роты, отвѣчалъ капитанъ.

— Да это противно положенію.

— Ну вотъ! это мелочи! Такъ какъ изъ осторожности онъ долженъ оставаться въ лагерѣ, то надо же, чтобы онъ чѣмъ нибудь занимался и могъ заработать себѣ нѣсколько су на выпивку.

— Кто же охраняетъ вашъ лагерь въ то время, когда рота находится на работѣ?

— Никто?

— А если на него нападетъ непріятель?

— А вотъ на этотъ бугоръ (капитанъ указалъ на курганъ) выставленъ вѣдетъ. Въ случаѣ опасности онъ дѣлаетъ выстрѣлъ. Съ занимаемаго имъ мѣста видна вся окрестность на двѣ мили кругомъ. Лишь только подашь сигналъ, горнисть трубить сборъ, и мои ласкари являются. Это дѣлается очень быстро,—вы сами въ томъ убѣдитесь.

Дѣйствительно, горнисть, добѣжавъ до кургана, проигралъ сперва отступление, а потомъ быстрымъ темпомъ бѣглый шагъ.

Черезъ десять минутъ, около сотни человекъ съ быстротою вихря летѣли къ лагерю. На нихъ не было и слѣдовъ зуавскаго обмундированія: ружья ихъ висѣли на ремнѣ за спиною, въ рукахъ были лопаты и мотыги; нѣкоторые везли тачки.

Не ожидая приказанія, съ удивительной быстротой они начали рыть землю, и въ одно мгновеніе лагерь превратился въ укрѣпленный фортъ, явились рвы, баррикады.

— Они подумали, что арабы приближаются, подсмѣиваясь, сказалъ капитанъ. Вотъ видите, генералъ, они готовы къ оборонѣ.

Дѣйствительно, зуавы уже привинчивали штыки, надѣвали канюли; расположившись отдѣльными группами, подъ прикрытіемъ шалашей, на крышахъ и вершинахъ баррикадъ, они готовы были молодецки выдержать нападеніе непріятели и своимъ расположеніемъ представляли не только живописную, но и воистинну военственную картину.

Горячая французская кровь пробудилась въ генералѣ; въ его понятіяхъ произошелъ рѣзкій переворотъ. Онъ пожалъ руку капитану Самуму и сказалъ:

— Хотя обмундированіе вашихъ людей и заставляетъ много желать, но, тѣмъ не менѣе, это отличные солдаты.

— Ну вотъ! сказалъ капитанъ: — обмундированіе это мелочи. Мозельскій баталіонъ въ революціонныя войны сражался въ деревянныхъ башмакахъ (*). Мой отецъ былъ тамъ.

Съ этого дня генералъ сдѣлался столь снисходительнымъ для солдатъ, что получилъ отъ нихъ прозвище *отца награды*

(*) Sabot, деревянные башмаки, обыкновенная обувь французскихъ поселянъ.

Прим. перев.

(*per se Gratification*) за винныя порціи, которыя онъ постоянно выдавалъ послѣ смотровъ.

Что же касается капитана Самума, то въ Крыму онъ окончилъ свою доблестную службу.

Русскій офицеръ кричалъ ему:

— Сдавайтесь!

— Нѣтъ! отвѣчалъ капитанъ Самумъ.

— Вы окружены, крикнулъ Русскій:—сдавайтесь, или вы погибли!

— Ну вотъ! это мелочи! возразилъ капитанъ и въ ту же минуту упалъ мертвымъ.

ЛУИ ПУАРЪ.

О ГРАМОТНОСТИ ВЪ АРМІИ.

По поводу рѣчи о народномъ образованіи, сказанной г. Рубокомъ въ Салисбери, «Современная Лѣтопись» «Русскаго Вѣстника», въ № 4 настоящаго года (15 стр.), замѣчаетъ: «Корень ошибки самыхъ доброжелательныхъ мнѣній, высказавшихся въ послѣднее время о лучшемъ устройствѣ народнаго воспитанія у насъ, заключается въ нетерпѣливости нашего доброжелательства. Убѣдившись въ пользѣ чего бы то ни было, мы сейчасъ расположены прибѣгнуть къ власти, дѣйствовать принужденіемъ». На сколько справедливо это замѣчаніе въ отношеніи устройства школъ и хода развитія грамотности въ арміи, можно заключить изъ слѣдующаго разсказа.

Въ февралѣ, я заѣхалъ къ одному моему знакомому ротному командиру (въ нашей губерніи стоятъ ** пѣхотная дивизія) и нашелъ его занятымъ какимъ-то писаніемъ. Конечно, я полюбопытствовалъ спросить, что онъ дѣлаетъ, и узналъ, что надняхъ онъ идетъ въ полковой штабъ съ ротой для постройки мундирной одежды и что полковой командиръ будетъ тамъ экзаменовать грамотныхъ, для чего и готовится вѣдомость о томъ, сколько въ ротѣ состоитъ: грамотныхъ, обучающихся и неграмотныхъ. Заглянувъ въ вѣдомость, я увидѣлъ, что грамотными въ ротѣ показана цѣлая половина нижнихъ чиновъ, а другая половина наименована обучающеюся,